

УДК 398

ИНОЭТНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ОБРАЗЕ БОГАТЫРЯ ЧАНИКОЛА В ЭВЕНКИЙСКОМ СКАЗАНИИ «ДУЛИН БУГА ТОРГАНДУНИН»

Яковлева М.П.

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, e-mail: ayakchan@mail.ru*

В статье рассматривается образ богатыря *Чаникола* из героического сказания «*Дулин Буга Торгандунин* – Торгандун Средней земли», записанного от известного эвенкийского сказителя Николая Гермогеновича Трофимова. Автором предпринимается попытка анализа образа героя, мотивов эпического произведения с целью определения возможных этнических характеристик персонажа. Автор предполагает, что в рассматриваемом образе эвенкийского богатыря Чаникола находят отражение этнокультурные взаимосвязи тунгусских и монгольских народов. Эти взаимосвязи проявляются в мотиве рождения данного героя с медным чайником в руках (мотив рождения с какой-нибудь приметой характерен для тюрко-монгольских народов), в этимологии имени богатыря Чаникола, которое связано с древнемонгольским племенем *чанит/чангит*. Автор приходит к выводу, что образ богатыря Чаникола обладает определенными характеристиками иноэтничности.

Ключевые слова: эвенки, героическое сказание, маркер иноэтничности, образ, древнемонгольское племя, предания, мотив

INOETNICHESKY CHARACTERISTICS IN AN IMAGE OF THE ATHLETE CHANIKOL IN THE EVENKI LEGEND «DULIN BUGA TORGANDUNIN»

Yakovleva M.P.

*Institute of humanitarian researches and problems of small peoples of the North of the Siberian Branch of
the Russian Academy of Science, Yakutsk, e-mail: ayakchan@mail.ru*

In article the image of the athlete Chanikol from the heroic legend «Dulin Buga Torgandunin — Torgandun of the Average Earth» which is written down from the famous Evenki storyteller Nikolay Germogenovich Trofimov is considered. The author makes an attempt of the analysis of an image of the hero, motives of epic work for the purpose of definition of possible ethnic characteristics of the character. The author assumes that ethnocultural interrelations of the Tungus and Mongolian people find reflection in the considered image of the Evenki athlete Chanikol. These interrelations are shown in motive of the birth of this hero with a copper teapot in hands (the motive of the birth with any sign is characteristic for the tyurko-Mongolian people), in etymology of a name of the athlete Chanikol where the author connects with a drevnemongolsky tribe chanit/changit. The author comes to a conclusion that the image of the athlete Chanikol possesses certain characteristics of an inoetnichnost.

Keywords: evenks, heroic legend, inoetnichnost marker, image, subject line, drevnemongolsky tribe, legends, motive

В условиях отсутствия письменности фольклор эвенков исторически выполнял функцию передачи разнообразной культурной информации от поколения к поколению. Г.М. Василевич точно отмечает, что эвенки относились к сказаниям и преданиям как к неписаной истории и старались передавать их в неизменном виде [7]. В фольклоре эвенков отражены основные этапы истории, а также взаимоотношения с различными племенами и народами в процессе исторического развития. Этнокультурные и этногенетические взаимосвязи эвенков отчетливо проявляются в характеристиках образов в эвенкийском эпосе.

Цель исследования: определение специфических характеристик эпического образа, отражающих этногенетические контакты этноса на примере героя эвенкийского эпоса.

Материалом исследования явилось уникальное произведение устного народного творчества эвенков, сказание Н.Г. Трофимова «Дулин буга Торгандунин – Торгандун Средней земли». Использован метод сравнительного анализа и эмпирический метод.

В данном исследовании предпринимается попытка анализа эпического образа с целью выявления маркеров иноэтничности на примере персонажа эвенкийского сказания «*Дулин буга Торгандунин* – Торгандун Средней земли» – богатыря Чаникола. Сказание «*Дулин буга Торгандунин*» является одним из наиболее крупных эпических текстов эвенков, в котором повествуется о нескольких поколениях героев – от основателя рода богатыря *Торгандуна* до его потомков. Первая часть сказания повествует о жизни двух братьев – старшего *Торгандуна* и немощного младшего брата

калеки *Чаникола*. По сюжету сказания братья живут охотой в древнюю мифологическую эпоху сотворения Средней земли [5].

Образ младшего брата Чаникола не типичен для эвенкийского фольклора – он не может охотиться в силу своего физического состояния и все свое время проводит на стойбище, дожидаясь старшего брата. Главной характеристикой персонажа является взаимосвязь с медным предметом – герой рождается с медным чайником в руках:

«Арай эр Торгандун нэкунин

Умун алтама чаникки дявучамнин балдыча ивит.

– Брат Торгандуна родился,

Держа в руках медный чайник» [5].

Мотив рождения *Чаникола* с медным чайником в руках, вероятно, является заимствованием. Подобный мотив весьма популярен в фольклорной традиции монгольских и тюркских народов. Так, в «Сокровенном сказании монголов» о рождении *Темучина* (Чингисхана) повествуется следующим образом: «явился он, сжимая в правой руке сгусток крови, величиной с альчик» [4]. Мотив необыкновенного (чудесного) рождения младенца с кровью в руке взаимосвязан с мировоззренческими традициями и поверьями: родившийся с чем-то в руке ребенок станет не простым, а необыкновенным человеком. Сгусток крови в руке родившегося ребенка – это маркер его необыкновенной судьбы и величия будущего человека-мужчины. В эвенкийских сказаниях Бута упомянутый мотив необычности и величия судьбы своеобразно трансформирован в рождение *Чаникола* с медным чайником в руках. Г.М. Василевич отмечала, что в сказаниях зейско-алданских эвенков «немало мотивов из эпоса тюркских и монгольских народов» [7]. К примеру, она отмечает: «хитрость, обман, к которым прибегают скотоводы, чтобы уничтожить героев, – мотивы нехарактерные для эвенкийского фольклора и явно заимствованные» [7]. Именно таким образом (хитростью) в сказании о Торгандуне прибывшие девицы-лебеди убивают младшего брата Чаникола с тем, чтобы вынудить богатыря Торгандуна на путешествие в дальние странствия и в конечном итоге породниться с ним [5]. Подобное заимствование фольклорного мотива обнаруживается в одной из сказок забайкальских эвенков «Бэеткэн алтама гэткэчи – мальчик с золотым затылком». В тюркских богатырских сказках и в эпосе присутствует чудесное рождение богатырского младенца с какой-нибудь «при-

метой». В.М. Жирмунский в своей работе перечисляет мотивы рождения богатырей с «приметами»: «В башкирской сказке об Алпамыше у героя есть сказочная примета – «золотой затылок на темени», по которой его узнают при возвращении; В казахских богатырских сказках аналогичной приметой является его «золотой хохол» (косичка или чуб), который является признаком его чудесного, царственного происхождения. Девушка-лебедь узнает своего суженого по его золотому хохолку; В киргизской поэме «Джаныш и Байыш» народ узнает вернувшихся на родину царевичей по золотым чубам» [6]. В указанной эвенкийской сказке мотив «золотого затылка» как определитель необыкновенной судьбы играет совсем несущественную роль в сюжете. Мотив чудесного рождения мальчика (с золотым затылком) в сказке эвенков не развит, нет дальнейшего повествования необыкновенной жизни-судьбы ребенка для своего племени. В эвенкийском фольклоре этот мотив явно заимствован. Как правило, определенный мотив всегда выражен и получает развитие в сюжете, если он принадлежит именно своей этнической культуре.

Заимствованный же мотив обычно проникает, остается частью повествования, но не получает своего развития в сюжете фольклорного произведения. Таким образом, можно предположить, что мотив медного чайника в руке при рождении персонажа служит в эвенкийском сказании маркером иноэтнической культуры, к которой имеет какое-то отношение Чаникол.

Этимологию имени Чаникол возможно следует связывать со этнонимом *чанит* / *чангит*. В эвенкийско-русском словаре 2004 г. издания (сост. А.Н. Мыреева) к слову *чанит* даны значения:

1) враг;

2) название группы древнего населения, с которой у тунгусов бывали столкновения [8].

Имя Чаникол может иметь двоякое правописание – как слитное *Чаникол*, так и с использованием дефиса – *Чаник-ол*. Гласный звук «о» в указанном имени является долгим и нередко на письме передается двумя «оо» (Чаник-оол). Подобные составные имена с суффиксом, обозначающим «мужчина» («оол, уол») встречаются в культуре тюркских степных народов (например, тувинцев). В одном из тунгусо-маньчжурских языков, солонском, слово *олор- олур* является заимствованным из монгольского и обозначает – *народ, люди* [9]. В эвенкийском языке значения *мальчик, юноша, парень* передаются словом *омолги*. С нашей

точки зрения имя *Чаник-оол* по происхождению следует связывать со словом *чанит/чангит*, названием древнего этноса, часто упоминаемого в фольклоре эвенков. Образование имени мы видим как образование сложного слова: в сложении эвенкийского *чанит* с прибавлением тюркского – *оол* (Чанит + оол). Чередование согласных (взаимозамена) звуков «т» и «ч» характерно для эвенкийского языка, в результате чего получилось *Чаник-оол*. Итоговое *Чаник-оол* следует буквально переводить как «*Чанит-мальчик*» или как «*чанитский мальчик*». По мнению Г.М. Василевич, предания, в которых говорится о чангитах, распространены у эвенков, живущих от западной границы на восток до линии Алдан-Зея. Она отмечает, что слово *чанит/чангит* «по-видимому, название какого-то очень древнего племени *чан*, которое постоянно нападало на эвенков. Поэтому слово стало синонимом врага» [7]. А.Н. Варламов указывает, что предания содержат значительную долю фактической информации и представляют бесспорный интерес как источник конкретных исторических сведений [1].

В большинстве преданий о чангитах говорится, что основной целью их является нападение на эвенков. Предания про чангитов можно разделить на два этапа:

1) ранний этап: нападение чангитов, чтобы увести женщин;

2) поздний этап: обмен девушками, брачные отношения между эвенками и чангитами.

В большинстве вариантов преданий чангиты ведут такой же образ жизни, как и эвенки. Иногда эвенки и чангиты съезжаются на одно стойбище и обмениваются женщинами. Среди чангитов бывают и эвенки. Это захваченные и выросшие у чангитов эвенкийские дети [2]. Вероятно, и в среде эвенков были также захваченные дети из племени чангитов.

Для преданий о чангитах характерна фраза «Хулангаик!», произносимая чангиткой-каннибалкой в предсмертной речи:

– «*Чангит эмэрэнгиркивэн – матакпан варэн. Тадук гела д'ула сурурэн. Дулан ирэн, тоговон хувулан. Асива эчэн ичэт-тэ. Аси дэлум чангитпа токтосинан. Чангит йэкэлэн: «Хулангаик! Хулангаик!».* *Тадук ачин одан;*

– Чангит пришел, соседку-свойственницу убил. Потом пошел в другой чум. Вошел в чум, загасил огонь. Женщину не видит. Женщина незаметно ударила топором

чангита. Чангит закричал: «Хулангаик! Хулангаик!». Потом он умер» [7].

А.Н. Варламов предполагает, что смысл сказанного дептыгиркой (чангиткой) происходит от монгольского *sula* (хула), одним из значений которого является – «ослабеть, обессилеть» [1]. Можно предположить, что язык чангитов может принадлежать какому-нибудь древнемонгольскому и, менее вероятно, тюркскому племени.

Г.М. Василевич отмечает, что многие сюжеты эвенкийского фольклора повествуют «О иноязычных и инокультурных чулугды, мани и чанитах» [2]. Г.М. Василевич в данной статье дает примечание: «Чан/гит/, по-видимому, название какого-то древнего населения, которое во время расселения пратунгусов по тайге встретило их враждебно, а позднее слилось с ними. Ввиду большой древности память о них не сохранилась, и слово чангит стало обозначать «враг» [2]. Вполне возможно и то, что впоследствии какая-то часть чангитов в результате взаимных браков была растворена в эвенкийской среде.

Таким образом, можно предположить, что рассматриваемый нами образ персонажа Чаникола из сказания о Торгандуне обладает определенными характеристиками иноэтничности, свидетельствующими о древних культурных взаимоотношениях с тюрко-монгольскими племенами.

Список литературы

1. Варламов А.Н. Племя чангитов в исторических преданиях эвенков // Научная онлайн-библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?archive=&id=1255662394&start_frm=&subaction=showfull&ucat=2.
2. Василевич Г.М. Отражение межродовых войн в фольклоре эвенков (в примечаниях к изданной статье отмечено, что статья является фрагментом из незаконченной работы Г.М. Василевич) // В сб. Вопросы языка и фольклора народностей севера. – Якутск, 1972.
3. Василевич Г.М. Фольклорные материалы и племенной состав эвенков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.evenkiteka.ru/stellages/ethnography/folklornye-materialy-iplennoy-sostav-evenkov-tungusov>.
4. Дарваев П.А. Проблемы монгольской текстологии. Опыт реконструкции древнемонгольского памятника «Сокровенное сказание монголов»: монография. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2008. – 400 с.
5. Дулин буга Торгандунин – Торгандун среднего мира / Сост. А.Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2013. – 856 с. – (Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов севера, Сибири и Дальнего Востока; Т. 31).
6. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. – Л.: Наука, 1974.
7. Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания / Сост. Г.М. Василевич. – Л., 1966. – 400 с.

8. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь – Эвэдь-лучады турэрук. – Новосибирск: наука, 2004. – 798 с. (серия «Памятники этнической культуры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»; Т3).

9. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 2. – Л.: Наука, 1977. – 992 с.

References

1. Varlamov A.N. Tribe changitov in historical legends Evenki // Scientific online library [electronic resource]. – Mode of access: http://www.portalus.ru/modules/linguistics/rus_readme.php?archive=&id=1255662394&start_from=&subaction=showfull&ucat=2.

2. Vasilevich G.M. Reflection intergeneric warrior in the folklore of Evenki (in the notes to the published article noted that the article is a fragment of the unfinished work G.M. Vasilevich) // In Proc. Issues of language and folklore of peoples of the North. Yakutsk, 1972.

3. Vasilevich G.M. Folklore materials and tribal composition Evenki [electronic resource]. Mode of access: <http://www.evenkiteka.ru/stellages/ethnography/folklornye-materialy-iplennoy-sostav-evenkov-tungusov>.

4. Darvaen P.A. Mongolian problems of textual criticism. Experience ancient Mongol reconstruction of the monument «The Secret History of the Mongols». Monograph. Elista: ZAOR «SPE» Dzhangar», 2008. 400 p.

5. Dulin Buga Torgandunin – Torgandun average world / Comp. A.N.Myreeva. – Novosibirsk: Nauka, 2013. 856 p. (Monuments ethnic culture of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East; T.31).

6. Zhirmunsky V.M. Turkic heroic epic. L.: Nauka, 1974.

7. Historical folklore Evenki: Tales and legends / Comp. G.M.Vasilevich. L., 1966. 400 p.

8. Мыреева А.Н. Эвенки-русский словарь – Эвэдь-лучады турэрук. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с. (серия «Памятники этнической культуры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока»; Т3).

9. Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus languages / Editor. Ed. V.I. Tsintsius. Т. 2. L.: Nauka, 1977. 992 p.

Рецензенты:

Варламов А.Н., д.фил.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск;

Ефимова Л.С., д.фил.н., зав. лабораторией сказительского искусства, Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск.

Работа поступила в редакцию 19.12.2014.